

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVIII

Buenos Aires, martes 7 de Setiembre de 1976

Буэнос Айрес, вторник 7 сентября 1976 г.

№ 1384

П. СОКОЛОВ

ДЕКАБРИСТЫ

II

Барона Штейнгеля «побудило к ним присоединиться (как он сам искренне объявляет), между прочим и страдание неудовлетворенного честолюбия, досада видеть себя забытым...» — «Он же восклицал, что в монархиях не бывает великих характеров, что в Америке только хорошее правление...»

— «До них дошел слух, что Государь Цесаревич тверд в намерении не принимать короны, и сия весть возбудила в заговорщиках новую надежду: обмануть часть войск и народ уверить, что Великий Князь Константин Павлович не отказался от престола, и возмущив их под сим предлогом, воспользоваться смятением для ниспровержения порядка и правительства...»

— «Но и сочиняя вместе сии планы, они, как видно, во многом или не понимали или обманывали друг друга. Трубецкой и сообщники его назначили Батенкова только Правителем Дел Временного Правления, а он воображал, что будет членом оного и предавался мечтам неограниченного честолюбия, в надежде быть лицом историческим... Я, говорил он, управлял бы государством и обратил бы Временное Правление в регентство малолетнего Александра 2-го... Затем, продолжает Батенков, мало по малу утвердив себя, получив силу учреждением родовой аристократии и приобретенными через то связями, я действовал бы по обстоятельствам...»

— «Но другие уже готовили средства для предприятия. К Рылеву, как в определенное сборное место, являлись члены с предложениями, планами или за приказаниями Думы. Их совещания в сии последние дни представляли странную смесь зверства и легкомыслия, буйной непокорности к властям законным и слепого повиновения неизвестному начальству, будто бы ими избранному...» — (Курсив мой).

— «12 декабря... собирались вечером у Рылева князь Трубецкой, Николай, Александр и Михайло Бестужевы, князь Оболенский, Каховский, Арбузов, Репин, Граф Коновницын, князь Одоевский, Сутгоф, Пушкин, Батенков, Якубович, Щепин-Ростовский... Николай Бестужев и Арбузов отвечали за гвардейский экипаж, Бестужев 3-й, Московского полка, но довольно слабо, — за свою роту; Репин сначала за часть Финляндского полка, потом лишь за несколько офицеров, прибавляя, что сей полк увлечь за собою не может никто... Князь Одоевский только твердил в жалком восторге: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» — Александр Бестужев и Каховский показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснейшие злодеяния. Первый признается, что сказал: переступаю за Рубикон; а рубикон, значит руби все, что попало; однако же клянется, что сие было бравадою, пустою игрою слов. Каховский кричал: с этими филантропами не сделаешь ничего; тут просто надо резать да и то...

лько, а если не согласятся, я пойду и сам на себя объявлю. Испуганному сим Штейнгелю Рылеев отвечал: не бойся, он у меня в руках, я уйму его. И однако ж на другой день Рылеев при Оболенском, Пушкине и Александре Бестужеве говорил Каховскому, обвиняя его: Любезный друг! ты сир на сей земле; должен жертвовать собою для Общества. Убий Императора. И с этими словами прочие бросились также обвинять его. Хотели 14-е число, надев Лейб-Гвардии мундир, идти во дворец или ждать Ваше Величество на крыльце; но потом отклонили предложение за невозможностью исполнить...»

— «Прежде (говорит Рылеев) я несколько раз удерживал Каховского, который умышлял на жизнь Императора Александра, даже ссорился с ним за то, хотя, успокаивая его, уверял, что в случае нужды Общество никого не употребит для сего удара, кроме него; но в этот день, вдруг ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вздумал, что для избежания оной надобно Государю принести в жертву (!). Каховский же утверждает напротив, что он отказался, а Рылеев сам назначал его в убийцы... Однако ж на очной ставке Каховский признал, что Александр Бестужев наедине уговаривал его не выполнять поручения, данного ему Рылевым 13 декабря...»

— «Собрание их в сей вечер (13 го числа) было так же многочисленно и беспорядочно... Все говорили, почти никто не слушал. Князь Щепин-Ростовский удивлял сообщников своим пустым многоречием; Корнилович, только-что возвратившийся в Петербург, уверял, что во 2-й Армии готово 100 тысяч человек; Александр Бестужев отвечал на за-

мечания младшего Пушкина: по крайней мере об нас будет страничка в Истории. Но эта страничка замарает ее, возразил Пушкин, и нас покроет стыдом. Когда же барон Штейнгель, удостоверясь более прежнего в ничтожности сил их Тайного Общества и как отец семейства, заранее устранивший вероятным последствием мятежа, спрашивал Рылеева: неужели вы думаете действовать? то он сказал ему: действовать, непременно действовать; а князю Трубецкому, который начинал изъяснять боязнь: умирать все равно, мы обречены на гибель; и прибавил, показывая копию с письма подпоручика Ростовцева к Вашему Величеству: видите ли? нам изменили; Двор уже много знает, но не все, и мы еще довольно сильны. — Ножны изломаны, примолвил дружкой, и саблей спрятать нельзя...»

— «Покушения на Священную Вашу жизнь требовали, как необходимости... Трубецкой не совершенно в том признается, но и не запирается, утверждая, что не может самому себе дать ясного ответа в тогдашних поступках своих и речах, ибо он был, как в беспамьятстве... Якубович (показывая князя Трубецкого и Рылеева) вызывал бросить жребий, кому из пяти (их в сию минуту столько было в комнате) умертвить Ваше Величество; видя, что все молчат, он сказал: впрочем, я за это не возьмусь, у меня доброе сердце; я хотел мстить, но хладнокровно убийцей быть не могу... Якубович предлагал также разбить кабаки, дозволить грабеж и, взяв хоругви из какой-нибудь церкви, идти с толпами неистовых ко Дворцу...» — 9-е января!

— «Положено готовить солдат к возмущению изъяснением сомнений в истине отречения Государя Цесаревича и с первым потоком, который откажется от присяги, идти к ближайшему, а там

далее, увлекая один за другим... (Батенков): надо бы в барабан приударить, чтобы собрать народ... Каховский утверждает, что Рылеев думал поручить одному члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тут же закричать, что он убил Его по приказанию Вашего Величества. Рылеев объявил, что это клевета...»

«При неудаче они полагали (так показывают согласно князь Трубецкой и Рылеев), выступить из города, чтобы стараться распространить возмущение. Каховский прибавляет, что в сем случае Рылеев хотел зажечь город; но сей последний утверждает, что и это ложь...»

— «Батенков 13 декабря поутру говорил Александру Бестужеву, что успех несомнителен; Барон Штейнгель; менее других заблуждавшийся, начал однако же сочинять проект Манифеста желая, говорит он, доказать Рылеву, что и я мог бы на что-нибудь пригодиться...»

— «Чем ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для них мгновение, чем более воспламенялись некоторые, тем больше изъяснялись нерешительности избранный ими начальник... «Что ж, говорил он и повторял Рылеву, если выйдет мало войска, рота или две? зачем и нам идти и других вести на гибель? Рылеев иногда казался согласным, иногда напротив отвечал: «если придет хоть 50 человек, то я стану повсюду в ряды с ними»; и однако ж не сдержал слова...»

— Булатов, «как видно из дел его, не злой, а слабоумный человек, за несколько дней до того не знал о существовании Тайного Общества, но его считали нужным, потому что... многие солдаты любили его. 6-го декабря... при нем нарочно хвалили одного саювника, которого он ненавидел... Рылеев открыл ему намерения их; Булатов часто спрашивал: но где же польза Отечества? я вижу одну перемену в правителях; вместо Государя вы хотите иметь диктатора; однако обещал действовать вместе с ними и, как бы предвидя погибель, прощался со своими детьми-младенцами и плакал...»

— Арбузов «уже 12 декабря старался в своей роте распустил слухи, что будто бы скоро потребуются от войск незаконная присяга; что за четыре станции от Нарвы Государь Цесаревич стоит с 1-й Армией и Польским Корпусом для истребления тех, которые присягнут Вашему Величеству...» — «Рядовые не верят».

— «13 декабря он прямо от Рылева приехал к мичманам братьям Беляевым; тут кроме их нашел двух Бодиско, Дивова и Гудимова. «Господа, говорил он, завтра будут нас звать к присяге; откажитесь и приготовьте к тому ваши роты. Мы выведем их на Петровскую площадь... и принудим Сенат утвердить давно уже сочиненный проект Конституции...» — «Нет, отвечал Бодиско, я с моею ротою не буду, могу ли действовать, не зная вашего плана и сообщников?» Арбузов оставил их, не получив желан-

† 4-го сентября 1976 года в г. Нью Йорке скончался

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОСТВО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИИ

Архиепископ Никон
(Р К Л И Ц К И И),

о чем с глубоким прискорбием сообщает Редакция
«Нашей Страны».

Читайте в следующем номере
СОЛЖЕНИЦЫН И ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ

- три точки зрения:

И. Мацкевич - П. Соколов - О. Бартнев

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

562. РОСТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ В СССР. — «ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОЙ ПРОФИЛАКТОРИИ». — ОРГАН СОВЕТСКОГО ПОСОЛЬСТВА НАПАДАЕТ НА ЗАРУБЕЖНУЮ ЦЕРКОВЬ

Приезжающие на Запад земляки сообщают о росте продовольственных нехваток в самой Москве, подчеркивая, что при этом столица все же остается в привилегированном положении в отношении остальных городов страны. Кроме того они указывают, что в Поволжье и левобережной Украине положение в городах особенно плохо. Затруднения в столице отчасти вызваны тем, что с милостивого разрешения местного начальства служащие и квалифицированные рабочие из ближайших к столице городов, как Калинин (Тверь), Тула, Боровск, Малоярославец, Александров и Коломна, ездят в столицу за теми продуктами, которых дома им не купить. При отсутствии (пока) столь непопулярной карточной системы каждый приезжий может стать в очередь в любом магазине. Купленное отправляется в портфель или сумку и при отъезде на очередном поезде (пока что) нечего опасаться обыска.

Поэтому среди коренных москвичей растет настроение в пользу нового введения карточной системы, при ней каждый прикрепит свою карточку к ближайшему в своем районе магазину, в котором таким образом не может быть длинных очередей.

Правительство же не решает вводить карточек на предметы продовольствия, опасаясь того дурного впечатления, которое это произведет на иностранную печать. Эта оглядка на Запад несомненно ослабляет режим.

Однако в КГБ имеются надежды, что правительство еще вернется к более суровым мерам и количество «островов» Архипелага ГУЛАГ не уменьшится, а наоборот будет снова расти.

К подобному выводу приводит меня рассказ недавно прибывшего из Ленинграда избравшего свободу архитектора. Работая в Ленпроекте (институт по проектированию новых зданий и целых комплексов), он получил задание составить проект «Лечебно-Трудовой Профилактории» в городе Пушкине за Баболовским парком, хорошо памятным нам старым петербуржцам. Ему объяснили, что это учреждение якобы предназначено для принудительного лечения привычных алкоголиков. При этом проектировщику даны следующие указания:

Здание строится трехэтажное. В первом этаже должны быть приемная, кабинет начальника профилактория работника Управления Министерства Внутренних Дел СССР (этому министерству подчинены все места заключения — концлагеря, политизолятор, психушки, этапные пункты по пересылке заключенных) и передняя комната для его секретаря, во второй половине первого этажа столо-

вая на 250 человек. Во втором этаже должен быть в одной половине зрительный зал на 250 мест со сценой, а во второй половине камеры на 20 заключенных каждая и отдельно 20 одиночных камер, а третий этаж отведен под слесарные мастерские на то же число заключенных. Вокруг дома большой двор для прогулок всех заключенных вместе и отдельный огороженный дворик для прогулок тех, кто находится на особом режиме строгой изоляции.

На четырех углах двора вышки для караульных с прожекторами, позволяющими освещать всю площадь этого двора. В углу двора баня лагерного типа с санпропускником и дезинфекционной камерой и двумя коридорами: «пациентского» этого странного профилактория входят, раздеваются догола и сдают одежду и белье для дезинфекции, которая производится, пока они моются в бане. Затем выходят в другой коридор, где получают чистое белье и прокипяченную на жару верхнюю одежду.

В другом углу двора находится карцер из 4-х отдельных камер. В третьем углу — небольшое одноэтажное здание амбулатории и лазарет на 12 коек в трех комнатах, кабинет врача, зубная амбулатория и две комнаты для аптеки. При этом указано, что нужны еще три небольших спальных: для врача, для аптекаря и одна для двух сестер. На вопрос о помощи для зубного врача сказано, что будет бывать лишь в часы приема и ночевать в профилактории не будет. Из этого описания ясно, что дело идет о каком-то особом месте заключения, своего рода концлагере в столь нам дорогом по памяти Царском Селе — месте последней резиденции императора Николая Второго.

Другим архитекторам также розданы задания о проектировании других лагерей разных типов и размеров. В беседе с коллегами мой собеседник установил, что имеется десять вариантов концлагерей. В некоторых предусмотрены гаражи для грузовиков или рельсы для подъездных путей, по которым арестантские вагоны подаются в самый лагерь для выгрузки заключенных.

Советское агентство «Новости» издает при посольствах на местном языке небольшой ежемесячный журнал: «СССР — сегодня». В Риме все иностранные журналисты получают бесплатно по почте по экземпляру «URSS — oggi». Сейчас в Риме его составляют три советских журналиста: А. Е. Абалин, И. Н. Бочаров и В. Е. Трунов.

В последнем польском номере статьи, заслуживающая внимания: «Свобода совести в СССР». Она рассчитана на итальянских читателей-католиков и дол-

ного ответа. Но тогда именно син молодые офицеры, за исключением Гудимова... вдруг решили содействовать замышленной революции...»

«Возмущение в Московском полку началось прежде. Там князь Щепин-Ростовский, Михайло Бестужев, брат его Александр и еще два сего же полка офицера ходили по ротам... стараясь ослепить рядовых... повторяя: «все обман, вас заставляют присягать, а Константин Павлович не отказывался, он в цепях; Его Высочество Шеф полка тоже в цепях». Александр Бестужев прибавлял, что он прислан из Варшавы с повелением не допускать полки до присяги... Он и князь Щепин приказали солдатам взять боевые патроны и зарядить ружья. «Я не хочу знать генерала», отвечал Щепин адъютанту Веригину, собиравшему офицеров к полковому командиру; велел возмущенной им толпе рядовых отнять знамя у гренадеров, бить их прикладами и бросился с обнаженной саблей на генерал-майора Фридрикса, которому уже грозил Александр Бестужев пистолетом. Князь Щепин ранил Фридрикса в голову, и когда он без чувств упал, то, бросив также на бригадного командира генерал-майора Шеншина, тяжело ранил и его и лежащего еще долго рубил; потом дал несколько ударов саблей полковнику Хвошинскому, гренадеру Кра-

совскому, унтер-офицеру Мосееву и кричал солдатам: Зарублю! Наконец, отняв знамя, повел бунтующие роты на Сенатскую площадь. Выходя на берег Фонтанки и видя подле себя Александра Бестужева, он сказал ему: Что! ведь к чорту Конституция...»

«В полку лейб-гвардейском бунт произведен теми же средствами. Когда рядовых вывели для присяги, к ним подходил подпоручик Кожевников, не трезвый; он спрашивал солдат: зачем вы забываете клятву данную Константину Павловичу? потом кричал еще в галерее: кому присягаете? Все обман! но порядок в полку сим не был нарушен, все присягнули и рядовые сели обедать. Тогда поручик Сутгоф, бывший уже у присяги, (!) вдруг пришел с своей роте со словами: «Братцы! напрасно мы послушались, другие полки не присягают и собрались на Петровской площади; оденьтесь, зарядите ружья, за мной и не выдавайте. Ваше жалованье у меня в кармане».

«На площади, когда некоторые из рядовых заметили, что они обмануты, Панов ободрял их, уверяя, что скоро будет сам Константин Павлович и накажет гвардию за ее непостоянство...»

«В их рядах уже господствовало безначалие, коего ужасами они угрожали Отечеству... Каховский, как видно

из многих показаний, наконец подтвержденных и собственным его признанием,

стрелял из пистолета и смертельно ранил графа Милорадовича, в ту самую минуту, когда он явился один перед рядами несчастных, обманутых воинов, чтобы образумить их и возвратит к долгу... Князь Евгений Оболенский также ранил его штыком... Каховский же, по словам князя Одоевского (и собственному признанию), убил и полковника Стюрлера... Он же ранил свитского офицера штабс-капитана Гастефера князем. Князь Щепин первый дал приказание солдатам стрелять, и в сем беспорядке ранено несколько рядовых и полковник Веллио. Наконец, Кюхельбекер (Вильгельм) дерзнул обратить оружие на Великого Князя Михаила Павловича; матросы гвардейского экипажа, с коими он стоял... отвели пистолет его. Кюхельбекер однако же уверяет, что он не хотел совершать удара, а притворно соглашался на сие по вызову Ив. Пущина, для того, чтобы не допустить к нему других, и зная, что пистолет его, взмоchenный снегом не мог бы выстрелить; в доказательство прибавляет, что после сн метил тем же пистолетом в генерала Войнова, а пистолет осекся. (Пущин на вопрос Комиссии отвечал, что это ложь).

«Но из людей, кои были душою заговора или обещали принять главное жна убедить их, как хорошо обеспечена «свобода совести» в бессовестном СССР. Начинается статья с пересказа декрета от 23 января 1918 года об отделении Церкви от государства, который провозглашает свободу совести и отменяет церковную присягу, говорит об установлении гражданской регистрации рождений, браков и смертей, отмене церковных метрих и церковного брака и религиозного погребения, до революции обязательных для всех исповеданий. Школа отделена от Церкви, но не сказано, что религиозное воспитание и обучение запрещено не только в школе, но и на дому. Молчат авторы об отобрании детей у верующих родителей. Подчеркнуто, что атенсты освобождены от выполнения церковных обрядов, но верующих возглавлял митрополит Сергей, ставший затем патриархом.

Далее сказано, что православная церковь имеет в России 73 епархии и 70 (?) монастырей мужских и женских — главный из них Троицкая Лавра, которую возглавляет патриарх Пимен. На 2 х страницах идет полемика с «империалистической» печатью, которая многократно распространяла слухи о закрытии Почаевской Лавры. Приведен рассказ митрополита Киевского Филарета, как он посещал эту Лавру и служил во всех ее церквях. Восхваляются монахи Киевских монастырей: Флоровского за вышнвания и Порховского за иконопись, чьи иконы посылаются во все церкви. Белорусский Богородично-Рождественский женский монастырь поставляет на Патриархию церковные облачения. Монастыри имеют пашни и луга, обрабатывают тракторами, разводят цветники и огороды.

Священников якобы готовят восемь семинарий. Это — прямая ложь: их было 8 в 1945 году, открытых, чтоб привлечь верующих на поддержку правительства в годы войны, но потом пять из них были закрыты и остались три: в Ленинграде, Москве (в Загорске) и в Одессе.

Далее изложены программы двух Духовных Академий, где учатся также студенты из Египта, Сирии, Грузии, Югославии, Болгарии, Румынии, Кипра, Польши, Чехословакии, Финляндии, Японии и монофизиты из Индии, Кении, Уганды, Танзании и Эфиопии.

Затем идет шесть страниц, посвященных нашей «Церкви Архирейского Синода за Рубежом», влияния которой в западном мире и в частности в Италии опасаются и патриархия и советское правительство, как видим из официального органа посольства.

Начинается с того, что епископы в эмиграции создали ее на соборе в Сремских Карловцах против воли Патриарха Тихона и стали схизматиками — «карловчанам». Забавно читать, как орган безбожного правительства старается обосновать неканоничность нашей Церкви, которая, видимо, беспокоит советскую дипломатию. Они уверяют, что митрополит Анастасий лично писал президенту Рузвельту, прося не посылать оружия СССР и не открывать в Европе «второго фронта». Митрополит не только благословил создание Русского Охранного Корпуса в Югославии, но и яко-

бы «благословлял» танковые дивизии эсэсовцев, словно последние очень нуждались в благословении православного митрополита.

Затем говорится о переезде Синода в США в 1950 году. Теперь он якобы сотрудничает с американскими разведочными органами и с сионистами и превратился в «политическую антисоветскую организацию».

Обвиняя печать нашей церкви в клевете, статья приводит пример, который доказывает неосведомленность авторов: «карловчане писали о расстреле епископа Андрея Ухтомского в то время, когда он был вполне здоров и на свободе». Но на самом деле князь Ухтомский был мирская фамилия епископа Андрея Уфимского, который был расстрелян в Ярославском изоляторе в 1937 году (см. протопресвитер Михаил Польский. «Новые мученики Российские». Том 2-й стр. 129).

Рассказав о пресловутой танковой колонне «Дмитрий Донской», созданной на пожертвования духовенства, авторы считают это доказательством не только преданности духовенства патриархии советскому режиму, но и того, что пастыри хорошо материально обеспечены, раз могут много жертвовать.

Дальше говорится, что духовенство патриархии сотрудничало с партизанами в оккупированных областях, но признается, что часть его изменила и бежала с немцами. Потом цитируют ряд записей в книге постытелей Троицкой Лавры ее иностранных гостей, которые свидетельствуют, что убедились в полной свободе Церкви и отсутствии гонений на духовенство и верующих, хотя каждому ясно, что одно присутствие на церковном богослужении не позволяет судить о положении верующих.

Последняя часть статьи посвящена баптистам. Сначала говорится о лояльных баптистах, которые приобретают новых adeptов и за последние годы открыли новые молитвенные дома в Тбилиси, Киеве, Чернигове, Полтаве, Ленинграде, Апапе, и Талды-Кургане.

Но затем авторы пишут также о том, что имеются антисоветские группы баптистов, связанные с американскими антисоветскими организациями и названы осужденные советскими судами Петр Яхименков, бывший «власовец» Дмитрий Миняков, отбывавший 10 лет концлагеря и организатор тайной баптистской типографии Георгий Винц, печатавший Евангелия, которые, по лживому утверждению авторов статьи, свободно продаются в советских книжных магазинах.

Отметим в заключение, что статья умалчивает о наличии в России катакомбной православной Церкви о том, что арестовывают за принадлежность к этим «тихоновцам» или «носифлянам» и о судьбе литовского католического епископа. Эта статья бесплатно рассылаемого по Италии журнала имеет целью убедить верующих итальянцев в том, что появление коммунистов у власти в их стране не повредит Церкви и что они не должны верить тому разоблачению проводимых в настоящее время гонений на верующих в России, о которых оповещает Запад, Зарубежная Церковь и эмигрантская печать.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

начальство над вовлеченными в обман войсками, явился на сборном месте один Якубович и не надолго... он вскоре оставил мятежников. Булатов был на площади, но только зрителем, хотя выходя из дома и заряжая пистолеты, говорил: «может быть увидят, что есть и в России Бруты и Рьегги», которых, в чем признается откровенно, знал только по именам. Князь Трубецкой скрывался от своих сообщников: он спешил в Главный Штаб присягать Вашему Величеству, думая сею готовностью загладить часть своего преступления... ему несколько раз делалось дурно; он бродил весь день из дома в дом, удивляя всех встречавших его знакомых... Рылеев, как он сам говорит, увидев, что нет князя Трубецкого на площади, поехал искать его и не возвращался. Поступки Батенкова в этот день были почти такие же... и он тоже спешил присягнуть... даже при начале допросов он долго уверял, что намерения заговорщиков были ему весьма несовершенно известны, что он, считая их невозможными в исполнении, почти не обращал на них внимания... Все прочие, больше или меньше участвовавшие в мятеже... показывая друг на друга, сделались вскоре известными Комиссии и немедленно отысканы... Кюхельбекер, бежавший после первых пушечных выстрелов, — в Варшаве. Ба-

рон Штейнгель выехал отсюда в Москву 22 декабря. Некоторые сами отделились под стражу. Между ними последними — полковник Булатов. Сей человек, странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлечимой болезнью... вохшишавшись распоряжениями Вашего Величества 14 декабря, вдруг на следующий день... предается какому-то неизъяснимому бешенству... Мысль, что его именем завлечен в заблуждение и погублен любивший его полк... совершенно омрачила его умственные способности... и когда вокруг меня клялись в верности Государю, я поднял руку; поцеловал крест, с ужасною клятвою на сердце: умертвить его». Наконец пришел во дворец, был допущен к Вашему Величеству, и первый взгляд Ваш обезоружил его. С сей минуты... он утолял муку совести признаниями, совершенно добровольными, ибо его даже не допрашивали...»

А революционный дурман все еще мутит головы. В Москве штабс-капитан Муханов «говорил в испуге досады: «Наши товарищи гибнут; их может спасти только смерть Государя». На юге Поджо говорил Василию Давыдову: «должно для спасения наших ехать в Петербург, убить Императора Константина». Им еще не было известно вступление на престол Николая 1-го. «Надобно их шесть», отвечал Давыдов. Арестованный Пестель говорит Волконскому: «Не бойтесь, спасайте только мою Русскую Правду, а я не открою нечего». — «И однако же во всем признался перед Комиссией, наименовал всех своих соумышленников... Сергей Муравьев-Апостол узнал в Житомире о происшествии 14 декабря, вздумал снова требовать смерти Государя Цесаревича от Директоров Польского Тайного Общества... «Я надеялся, говорит Муравьев, что сделав сие, Варшавское Общество принуждено будет начать возмущение в Польше, а мы тем воспользуемся... Потом он отчаянно пытался поднять на юге общий мятеж вместе с Бестужевым-Рюминым. Ничего не вышло. Но и при полном крахе Бестужев еще говорит: «скромясь в лесах, проберемся к Петербургу и я убью Государя», — одна только жажда — убить... А на допросе он объясняет это желанием ободрить Муравьева!»

И вот, всю эту мразь нам выставляют, как некие светильники человечеству! — Только потому, что они служили революции. Сколь велика ее отравка!

Повторяю: доклад весьма обширен и проследивает дело во всех подробностях; я же даю из него только отрывки. Все поганое нутро революции тут лежит перед нами открыто, как и облик тех, кто ей служит. Но поражает вот что: полное сходство того, что происходило в началах 19 и 20 веков: те же «идеи», взгляды, приемы, характеры; та же наглость, глупость и безответственность заговорщиков. Успех вот был разный: в 19 веке еще нашлись здоровые силы у нации, чтоб обуздать полумозговых бунтовщиков, а в 20-ом их не оказалось. Читая этот доклад, чувствуешь себя «совсем дома», словно это происходило не полтора века тому назад, а вот, только вчера, в твоей молодости. Разве не говорит это ясно, что исток этих двух дел был общий и действовала здесь одна и та же сила?

Иногда можно услышать: «Даже Пушкин высоко ценил декабристов!» Вот довод... Как будто юный Пушкин никогда не мог ошибаться. Вот даже такой изысканный аристократ духа, как Тагор, восхитился большевиками, а Кнут Гамсун — Гитлером. Куда уж дальше. Если бы зло не обманывало людей, ему на земле не было бы места.

Комиссия заключает: — «Комиссия старалась представить сие наиполнейшим образом, в особых о каждом записках, означая в оных и собственные их признания и показания свидетелей и новые по сим показаниям данные ими ответы».

Предано*) Верховному Уголовному Суду 61 человек (43 из Северного Общества?) Государь указал, чтоб Суд определил, «в какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимых частными и особенными каждого лица обстоятельствами, чтоб он установил разряды разных степеней виновности». Суд определил: главных преступников выделить в особый разряд, а остальных распределил на десять. В особый разряд были отнесены: Пестель, Рылев, Сергей Муравьев, Бестужев-Рюмин и Каховский. Они были приговорены к четвертованию. 1-й разряд — к от-

сечению головы (31 человек). Остальные разряды — от вечной каторги до лишения чинов, дворянства и отдачи в солдаты до высылки. Государь смягчил этот приговор: отменил казнь для преступников 1-го разряда, заменив только каторгой; многим уменьшил разряд кары; участь преступников особого разряда предоставил на решение суда, который, сообразуясь с такой линией, заменил четвертование повешением. В заключительном манифесте император Николай 1-й говорил: «Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усвоившихся постепенно отечественные установления...» А еще и вот о ком: «Наконец... склоняем мы особенное внимание на положение семейств, от коих преступлением отпали родственные им члены. Во все продолжение сего дела сострадая искренно прискорбным их чувствам, Мы вменяем себе долгом удостовериться в их, что в глазах наших союз родства предаст потомству славу деяний, предками стяжанную, но не омрачат безчестием за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменить их по родству кому-либо в укоризну: сие запрещает закон христианский». Сравним тех, кто поносит имя этого Государя-Рыцаря, сравним революционеров, уничтожающих людей по признаку принадлежности к классу, семейству, должности, состоянию и т. д., убивающих ни в чем неповинных заложников, наперед обрекающих всех с ними несогласных на истребление. А ведь перед Николаем 1-м были люди, готовившие уничтожение всех его близких! Воистину — высота, достойная трона.

А как отвечали на это революционеры? («Полярная Звезда», «Колокол»?) Все той же безответственной и глупой болтовней, ложью, извращением правды и клеветой. Для Герцена все эти недоумки и изуверы, объятые чувством непомерного самомнения и нестерпимой жаждой «перевернуть» и «убить», ничтожная кучка в 60 человек, готовая ввергнуть целое государство в бездну хаоса, — «великие предшественники наши». «Мы от них считаем наше духовное рождение, их голос разбудил нас к жизни». «Пусть молодое поколение посмотрит на эти сильные и могущественные личности (!!), даже сквозь темное сердце их гонителей и судей».

«Распушенную, рыхлую Русь Петр 1 суровой рукой стянул в сильное европейское государство, коснеющему в своем отчуждении народу он привил брожение (!) западной гражданственности».

«Где же у нас та среда, которая, стучаясь постоянно в царскую власть, оскорбленная ее неуважением к достоинству лиц, ее всегдашними притязаниями считать Россию за свое поместье, — могла бы дать действительность оппозиционной мысли? Без сомнения... дворянство». В нем-то и созрела революционная мысль, вышедшая 14 декабря на площадь». — И в феврале тоже.

«Александр 1, понимая многое, ничего не умел сделать; неужели можно считать преступлением, что другие понимали тоже, но совсем наоборот ему считали себя (!) способными сделать многое?»

«Узкие рамки жизни теснят... Мы освободили мир, но сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардией в Грановитой палате, какой-то немецкой канцелярией с татарским кнутом в руках!..»

«Оставалось одно: в тиши соединить рассеянные силы... с определенной целью обсуждения (!) средств, чем помочь страшному злу, губящему Россию, которое, повторяем с намерением, император Александр 1 так же понимал, как Бестужевы и Муравьевы». Но и его собиравлись убить!

«Невероятное распространение заговора по всему государству, — в какие-нибудь семь лет. Петербург, Москва, Васильков и 60 человек заговорщиков! В нем участвовали представители всего талантливого, образованного, знатного, благородного, блестящего в России».

Еще из той же «Полярной Звезды»: «Мы нисколько не сомневаемся, что скорбь Николая об утрате старшего и любимого им брата была глубока и истинна... но при этой душевной тревоге зачем же была такая поспешность присягать Константину, если не было желания отклонить всякое подозрение в публичке о том, что сделаться царем России приятно для сердца?.. Николай забыл, что дело шло не о чистоте чьих бы то ни было намерений, а о спокойствии государства», — которое готов нарушить любой плохан. ВСЕ плохо. И так плохо. И так плохо. Крестин-революционер, го-

товый убить каждого и обрушить любую святыню, высокомерно судит человека, поставленного судьбой в невероятно-трудное сплетение семейных, конституционных, административных, интимных обстоятельств, при наличии уже известного ему зловещего заговора, готового уничтожить всю его семью! Подлость души у автора — несравнимая. Сам Государь определял своей матери положение так: «Это еще вопрос, которую из двух жертв должно считать выше: со стороны ли отказывающегося или со стороны принимающего».

Продолжим. Из донесения Комиссии мы видим, с каким сознанием долга проводила она свою работу. А вот как оценивает ее революционное сознание: — «Следователи употребляли попытку, что нередко заставляло подсудимых говорить что попало... Что положительно известно, — это то, что некоторым подсудимым надевали цепи страшной тяжести, других томили голодом; к ним посылали попов уговаривать их обвинять друг друга; многим сулили прощение, если они сделают признание...»

«Если-б была гласность, не было бы тайного общества. В Англии, например, тайные общества невозможны» — В Англии, главном штабе масонских лож!

— «Общество хотело достичь цели... но общество хорошо знало, что оно составляет весьма небольшое меньшинство... поэтому общество решилось действовать, каков бы результат ни вышел».

«Это убеждение в страшном положении России, в необходимости переворота...» — Но решительными действиями переворот был предотвращен, и Россия просуществовала еще сто лет. Где тут была необходимость? А когда такая же попытка увенчалась успехом, то вместо России появилось чудовище под названием СССР, пожравшее около ста миллионов народу.

«У членов тайного общества, как явствует из самого донесения, не было сделано не малейшей попытки к ее (мысли о царубийстве) осуществлению».

«Что в революциях, как на войне, сражающиеся не рассчитывают, сколько крови прольется и чья именно, — это еще понятно; но против врагов скованных» — то есть вот против этих, льющих неповинную кровь, — «употреблять ложь, клевету, шпионские показания — это жалко, отвратительно».

«Пестель и Сергей Муравьев-Апостол были реалистами... если уж востание было решено обществом, то им хотелось, чтобы были приняты действительные меры (!) и чтобы общество, раз приняв их, ни перед чем не останавливалось... Если заговор мог иметь успех, то только при этом практическом взгляде на вещи». Цинизм совершенно ленинский. Образ Пестеля мы потом встретим в личностях Бакунина, Ткачева, Нечаева, Ленина, — мы знаем куда он завел Россию.

«Измена всегда робка говорит Корф. Измена чья и кому? Солдаты не изменили Константину, а офицеры остались верны своим убеждениям. Где же измена?..»

Я обдуманно помещаю все эти выдержки, чтобы возможно полнее выявить умственный и нравственный уровень революционеров. Что-то страшное, изуверское видно в этой логике — и совершенно безнадежное: неизлечимая душа, наκος посаженная голова, которую невозможно выправить. Говоря по просту, — они от рождения глупы и подлы; что же тут можно сделать? Измена, — бунт с целью опрокинуть правительство и уничтожить династию, то есть учинить страшное потрясение государству, — налицо; а революционер, укравшийся под буквами Г. Ч., спрашивает: где же измена?

Впрочем, довольно о прохвостах, скажем еще о доблести.

«При допросе Императором Николаем Сергеем Муравьевым так резко высказал тягостное положение России, что Николай протянул ему руку и предложил ему помилование, если он впредь ничего против него не предпримет. Муравьев отказался от всякого помилования, говоря, что он именно и восставал против произвола». Муравьев допускал только свой собственный произвол — против верховной власти, установленной законом и тысячелетним опытом народа. Попробуй, дай такому власть! Да он такого натворит, что... Впрочем, мы уже видели.

Государь: «За то, что ты государю не говоришь правды, если бы и я тебя помиловал, то на том свете Бог тебя не простит». —

СПИЧЬЕГО ПОЛЕТА

□ Международная молодёжная организация ЮНЕСКО вторично приняла резолюцию, осуждающую Израиль за агрессию. Из представителей 26 стран, участвовавших в заседании, против резолюции голосовали только США.

□ При ратификации конференции о «нераспространении» атомного оружия, у здания японского парламента состоялась многотысячная и бурная демонстрация противников каких-либо ограничений в вооружении и обороне. Значительная группа членов парламента бойкотировала голосование.

□ Изгнание Национального Китая из ООН, как условие коммунистического Китая для вступления в ООН, целиком на совести Клейна, Киссинджера и Форда, совместно преодолевших противодействие американских антикоммунистов в конгрессе, сообщают американские газеты.

□ Албанское население потеряло голову от страха перед «чисткой», охватившей всю страну. Уже более 10 000 человек объявлено врагами народа, часть их расстреляна, большая часть сослана в горы. Чистка проводится по образцу сталинской и маодзедунской, не щадя высокопоставленных чиновников, ни партийных тузов. В стране воцарился ад: в пароксизме самосохранения, каждый спешит донести на каждого, — сообщают по обходной почте родственники.

□ Военные знатоки ручаются за то, что запасы военного снаряжения в Бейруте у обеих враждующих сторон, достаточны, чтобы уподобить город Сталинграду или Берлину.

□ Самым большим бассейном природного газа считается сибирский. Вторым по величине стал недавно обнаруженный в Персидском заливе.

□ Согласно сведениям, опубликованным в гонконгской печати, британская разведка сотрудничает с пекинской контрразведкой в борьбе против Национального Китая.

ФИЛИН

Якушкин: «Да ведь я в будущую жизнь не верю».

— «Вон отсюда этого мерзавца!» — закричал Государь; но все же смертная казнь этому, готовому на царубийство, человеку была заменена двадцатилетней каторгой».

«Между преступниками, присужденными к отсечению головы, только полковник Норов получил наибольшее смягчение наказания — только пятнадцатилетнюю каторжную работу. Тут Николай оказал великодушие, потому что все знали, что он с Норовым имел личную вражду».

«В манифесте от 13 июля 1826 года Николай 1 говорил: «Не просвещению, не праздности ума, более вредной, нежели праздности телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча, а конец — погибель». Я очень удовлетворен тем, что мой взгляд на революцию и революционеров совпал со взглядом одного из самых крепких борцов против Революции».

«Полярная Звезда» поучает императора Александра 2-го: «Мы искренно желаем, чтобы он увидел, что для устранения потрясенной в России надо, чтобы он шел вперед с общественным развитием... чтобы он понял, что его призвание — освобождение крепостного состояния, преобразование чиновничества и водворение открытого суда и гласности». Все это император Александр выполнил. Но, вместо обещанной ему «блестящей странички в истории», он получил все же бембу революционера, — единственное, на что они способны. Жажда крови в душе этих людей неистребима. Через сто лет после декабристов Семья была-таки уничтожена.

П. СОКОЛОВ

*) По сообщению «Полярной Звезды». По другим источникам — 121.

† В среду 22-го сентября с. г. в 18,30 часов по случаю первой годовщины смерти

МАРИИ ПЕТРОВНЫ КНИРША

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида, о чем извещают сын, невестка и внук

Я. ТЕЛЬНОВ

Босяк Абрам Терц, профессор Сорбонны

Синявский — ныне профессор парижской Сорбонны. О нем написал в «Русской Мысли» от 3. 6. 76 глубокую, уничтожающую статью Ю. Павловский, который в свое время близко знал его лично. Эта статья ярко и убедительно вскрывает Синявского, как литературоведа и человека. Павловский, между прочим, сообщил, что Синявский взял себе не выдуманный псевдоним, а имя хорошо известного одесского босяка, которого звали Абрам Терц. Теперь этот босяк, в лице Синявского, нахально прогуливается по русской литературе.

И вот поэтому я хочу поделиться моими сомнениями в отношении личности Синявского: эти сомнения постепенно откладывались в моем сознании.

1. Синявского освободили на полгода раньше положенного ему срока, тогда, как другим, иногда не скупившись давать повторные сроки, КГБ могло это сделать только убедившись в сознательном советском миропонимании Синявского. Он это и подтвердил своей статьей в первом номере «Континента». (См. об этом мою статью в «Нашей Стране» от 26 августа 1975 г. № 1330).

2. Вскоре же по выходе из лагеря, Синявский просится о выезде в Париж. Его не мучают долгим ожиданием или предложением воспользоваться израильской визой, а он получает разрешение на выезд туда, куда хотел, вместе с женой и дочерью.

3. В Париже Синявский сразу же из-

дает свою книгу «Голос из хора». Ее срочно переводят и издают по-французски. Она удостаивается премии, как лучшая из переводных книг за текущий год. Но сам Синявский говорит об этой книге (на вечере по случаю получения премии), что она трудно понимается даже русскими и что он вообще пишет грубым вульгарным языком.

Спрашивается, что же в ней поняли французские переводчики и как перевели его вульгарности? А может, как раз это и понравилось.

4. Сам же Синявский сообщил, что эту объемистую книгу он написал в концлагере и по листам пересылал жене. Ю. Павловский в вышеупомянутой статье отметил, что «Прогулки с Пушкиным», да видно и еще кое что, Синявский тоже написал в лагере. Отсюда следует три важных вывода: 1) Синявский не очень обременялся в лагере работой и имел возможность и достаточное бумагу для писания; 2) Не ограничивался в переписке с женой, чего обычно не допускается для лагерников. 3) КГБ безусловно знало, что он писал в лагере и потому составило себе о нем четкое представление. И верно поэтому его не только выпустили из лагеря, но и отправили за границу. И действительно — он вполне оправдал надежды КГБ. А кто поручится за то, что тут нет прямой достоверности?

5. Во всяком случае, как сообщил «Новый Журнал» жена Синявского бес-

препятственно вояжирует между Парижем и Москвой. Она же на «Слушании Сахарова» в Копенгагене бойко отработала: «Здесь бросаются миллионами политических заключенных в СССР, а мы с Синявским подсчитали: не более десяти тысяч».

Напомню также, что Синявский выпустил книгу «В тени Гоголя», которая повергла всех в смущение и недоумение, и не знаю никого, кто бы сказал о ней доброе слово.

Теперь же он окончательно раскрыл себя, издав книгу «Прогулки с Пушкиным». Думаю, что в КГБ, а может и в Политбюро заливаются хохотом: какого профессора-литературоведа они подслушали знаменитой Сорбонне, и какую подмогу русскому Зарубежью в лице Абрама Терца.

Слабость познаний Синявского в русской литературе отмечалась и раньше, а теперь Райнер Майнен из Берлина подметил («Русская Мысль» № 3109), что некрасовское — «поэтом можешь ты не быть, а гражданином быть обязан» — Терцем было приписано... Ломоносову. Какой же после этого Синявский литературовед, если он спутал столь различных и отдаленных авторов, как Ломоносов и Некрасов?

Великому Пушкину — создателю русского литературного языка — дал оценку другой великан-Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи, определившей значение поэта и указавшей на идеалы и пути русской литературы. Ни заветов, ни традиций русской литературы Синявский не воспринял — он остался в стороне от них. Его воодушевляет образ, дух и жаргон одесского босяка, и он не способен понять силу и значение пушкинского вдохновения.

Абрам Терц не только чужд, но и враждебен России (не СССР) и ее культуре, так ярко отразившейся в великой русской литературе, которую он пытается развенчать и ополщить. И потому абсурдно, что Абрам Терц подвизается профессором по русской литературе в Парижской Сорбонне. Это все равно, что если бы там профессор по химии зани-

НАША СТРАНА

**ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

Телефон Редакции: 52-7426.

мался ниспровержением этой науки и ее авторитетов.

Ю. Павловский называет Синявского хулиганом в литературе и, как и В. Рудинский, выражает возмущение тем, что он является профессором русской литературы в Сорбонне.

Отсюда, поддерживая выступление В. Рудинского «В защиту Пушкина», сформулированное им в № 1379 «Нашей Страны», я выдвигаю также такое предложение: печатные органы Зарубежья должны в первую очередь поднять свой голос протеста против преподавания Синявским русской литературы в Сорбонне. Было бы хорошо если б все газеты и журналы Зарубежья послали протест в Сорбонну.

Босяк Абрам Терц — профессор Парижской Сорбонны, хулиганствующий в русской литературе, позорит не ее, а саму прославленную Сорбонну и надо удивляться, как ведущая культурная элита Франции не видит этого.

Я. ТЕЛЬНОВ

ИСПРАВЛЕНИЕ

В прошлом 1383-ем номере «Нашей Страны» на 4-ой стр., на 2-ой колонке, в статье «Библиография», подписанной Б. Гасаном, выпало название книги, о которой идет речь.

Название следующее:

“Solyenitzin en la lucha por la libertad” — EMECE Editores. Buenos Aires 1976.

Израиль сегодня

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Израиль и Австрия. Здесь очень огорчаются поведением австрийского канцлера Бруно Крайского: несмотря на свое еврейское происхождение, он упорно уклоняется от сближения с Израилем и в ответ на дипломатические заигрывания последнего, направил египетскому президенту Садату в знак дружбы десять старинных кожаных кресел.

Без зазрения совести. Итальянский (ли)публицист Курцио Малапарте переведен почти на все европейские языки и издается огромным тиражом. Он посвятил свое творчество описанию фашист-

ФОНД ИЗДАНИЯ ВЛЕСОВОЙ КНИГИ

В фонд издания труда П. Е. Соколова «Симфония Руси», содержащего текст дохристианского исторического документа — Влесовой Книги — поступили следующие суммы:

П. Присекин — 20 ам. долл.
В. Смолинский — 10 ам. долл.
П. Орлов — 5 ам. долл.
В. П. — 10 ам. долл.
Е. Белов — 1 000,00 песо.

Сбор взносов продолжается.

ских злодеяний и взаимоотношений нацистских палачей: ко дню рождения одного нациста, другой преподнес ему корзину, наполненную глазами расстрелянных евреев. Книга щедро рекламируется и пользуется одобрением израильских критиков.

Частичное равновесие. Отметив, что «денежное бремя обороны лежит на гражданах евреев», глава правительства Ицхак Рабин высказался за предоставление равноправия арабам, до сих пор лишенным чести разделять это бремя.

**АЛИ
Тель Авив**

1941 1976

К 35-летию основания Русского Корпуса

СОЮЗ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

в воскресенье 3-го октября с. г. в зале при храме

Св. Сергия Радонежского (Falucho 854, Villa Ballester) устраивает

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

В ПРОГРАММЕ:

Иллюстрированный диапозитивами доклад

Н. К. ДУБИНА

„Путь Русского Корпуса“

и

художественное отделение

при участии

Людмилы Брянской
Александра Дебенедетти
Елены Пашенко
Людмилы Преображенской
Николая Седлецкого
Виктора Трофимова

В перерыве — буфет и лотерея

Начало в 16 часов.

Вход свободный.

А Н О Н С !

А Н О Н С !

А Н О Н С !

Откладывается на 10 октября 1976 года

АСАДО - ОЛИМПИАДА

В ЭСЭЙСЕ

ВОЛЕЙБОЛ — ФУТБОЛ — ПИНГ-ПОНГ — ШАХМАТЫ

ПРИЗЫ — ОБЕД — НАПИТКИ

Цена билета — 600 песо, от 5 до 12 лет — 300 песо.

Запись и оплата заблаговременно на Falucho 854, Villa Ballester по субботам от 15 до 17 часов, по воскресеньям от 12,30 до 13 часов (телефоны: 766-6067 и 768-2309).

УСТРАИВАЕТ "МОЛОДАЯ ГРУППА"

Ввиду того, что типография подняла цену на выпуск газеты на 27 %, а почтовый тариф увеличился на целых 400 % (четыре процента), Редакция вынуждена повысить цену номера «Нашей Страны» на

\$ 40,00

Повышение действительно с номера 1381-го